

Woman in Russian Society

2020. No. 1. P. 113—126

DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.9

Женщина в российском обществе

2020. № 1. С. 113—126

ББК 63.529(235.7)

DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.9

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Х. В. Дзуцев^{a, b}, А. П. Дибирова^a

^a Центр исследований приграничных регионов Юга России, Институт социально-политических исследований, Российская академия наук, г. Владикавказ, Россия, khasan_dzutsev@mail.ru

^b Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия

Статья написана по материалам массового опроса населения Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. Опрос проводился в Республике Северная Осетия — Алания, Чеченской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Ингушетия, Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике летом 2017 г. сотрудниками Центра исследований приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований РАН и кафедры социологии Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. В опросе приняли участие 1200 респондентов, в том числе 30 экспертов (журналисты, ученые, чиновники, члены политических партий, работники культуры, представители различных конфессий, юристы). Результаты исследования демонстрируют исключительный интерес кавказцев к гендерной составляющей их духовной жизни. Высокий коэффициент варьирования данных в рамках одного ответа указывает на разницу мнений граждан в зависимости от их национальной, религиозной принадлежности и места проведения опроса. Обнаружена также существенная разница во мнениях экспертов. Эксперты Чечни и Ингушетии, в меньшей мере Дагестана подчеркивали ярко выраженную религиозную составляющую мировоззрения граждан их республик. Специалисты Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и частично Карачаево-Черкесии говорили о приоритете национальной составляющей мировоззрения респондентов над религиозной, в частности при создании семьи и в выборе спутника жизни. Эксперты Северной Осетии указали на незначительный интерес осетин к вопросам исламской веры, особенностям поведения женщины-мусульманки, ее активности в выборе спутника жизни, одежды и поведения на работе и в семье. В высказываниях респондентов и экспертов Чечни и Ингушетии обнаружено больше указаний на ограничение социальных функций женщины рамками предписаний мусульманской веры.

Ключевые слова: брачный обряд, адаты, исламизация населения, полигамия, шариат, светский закон, межконфессиональные браки, религиозная жизнь, региональная гендерная политика, равноправие полов, мусульманские учреждения, равенство.

GENDER ASPECT IN THE SPIRITUAL LIFE OF THE NORTH CAUCASUS REPUBLICS POPULATION

Kh. V. Dzutsev^{a, b}, A. P. Dibirova^a

^a Centre of the Russian Southern Regions Studies, Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation, khasan_dzutsev@mail.ru

^b Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation

The present article uses the data collected during the summer of 2017 in a course of the large scale survey in the republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation, namely, the Chechen Republic, the Karachay-Cherkessia Republic, Republics of North Ossetia-Alania, Ingushetia, Dagestan, and Kabardino-Balkaria. The survey was conducted by the Center of the Russian Southern regions studies at the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences and the department of sociology at the North Ossetian State University. The total number of respondents was 1200, including 30 experts (journalists, scientists, government officials, members of political parties, cultural workers, religious scholars, lawyers). The results demonstrate that in their spiritual life the Caucasians are strongly interested in the gender aspect. A high coefficient of variation of data within a single answer indicates the heterogenous nature of the opinions, which depended on the respondents' nationality, religion, and place of residence. The experts' opinions varied as well. For example, experts from Chechnya and Ingushetia, and, to a lesser extent, Dagestan, emphasized the importance of religion in their respective regions. The experts from North Ossetia, Kabardino-Balkaria, and, to a lesser extent, Karachay-Cherkessia spoke about the dominant role of nationalism in their republics. This notion was especially applied to such issue as family creation. The experts of North Ossetia pointed out that the citizens of the republic are indifferent to the issues of Islamic faith, gender segregation, Muslim woman's dress code, etc. It is worth mentioning, that the experts from Chechnya and Ingushetia expressed a strong sentiment in favor of gender segregation and limited social role of women, prescribed by the Islamic faith.

Key words: marriage ceremony, customs, Islamisation of the population, polygamy, Sharia law, secular law, interfaith marriages, religious life, regional gender policy, gender equality, Muslim institutions, equality.

Постановка задачи

Различие точек зрения на общественную роль женщины в странах, исповедующих ислам, в среде мигрантов Европы и в республиках Северного Кавказа Российской Федерации является очевидным.

В литературе, посвященной изучению гендерных различий, одно из существенных мест занимает дискуссия о степени свободы женщины в западном мире и в среде выходцев из стран мусульманского Востока. В этой связи представляется уместным привести несколько выдержек из книги Н. Apel «Еуропа ohne Seele» [Apel, 2007: 204—223]. По мнению автора, идеология протеста исламского мира против западных ценностей основывается на двух моментах: неприятии взимания процентов в хозяйственной и торговой сферах; чрезмерной самостоятельности женщин. Платок воспринимается все еще как символ самоидентичности, а порой

и как форма молчаливого протеста против избыточной эмансипации женщин в западном обществе. Примечательно, что особых дискуссий по поводу посещения девочками занятий физкультурой, плаванием и участия их в походах нет.

Мусульманские проповеди строятся на принципах далеко не демократических, со ссылкой на то, что это не предусмотрено характером духовной деятельности. Особый акцент в них делается на противопоставление мусульманского вероучения установившемуся западному общественному порядку.

Влияние суннитского ислама на людей с годами только возрастает. Установлено: чем ниже уровень школьного образования, тем сильнее связаны люди «локальной сетью» ислама. Межконфессиональные браки в данной среде случаются и исключительно редко носят протестный характер [Janssen, Ауса, 2006].

В Турции развиваются и находятся в постоянном противоречии два процесса: с одной стороны, расширяется влияние ислама на сельскую часть населения (партия «Исламский порядок»), с другой — в светской среде крупных городов набирает силу демократическое, в том числе женское, кемалистское движение, базирующееся на провозглашении общедемократических ценностей [Озбудун, Кейман, 2004].

Вопрос о толерантности наглядно дополняет эту картину: 49,1 % опрошенных в Турции не пожелали признавать равноправие мужчин и женщин [Gerhards, 2004].

В странах Юго-Восточной Азии (Индонезия, Мьянма, Таиланд) проблема межконфессионального взаимодействия (в том числе заключение браков) является также актуальной из-за смешанного проживания мусульман и христиан (католики). Ряд авторов указывают на то, что члены мусульманских общин не одобряют межрелигиозные браки [Chee Heng Leng et al., 2009; Aini, 2008; Sintang et al., 2011].

На арабском Востоке отношение к равноправию полов значительно варьирует в зависимости от страны исследования [Костенко, 2012].

Можно считать, что в арабском мире одновременно реализуются два направления развития: модернизация и архаизация. В рамках первого заметен рост числа образованных людей, который достигает максимума в возрастной группе от 25 до 35 лет. Второе направление демонстрирует, что в силу процессов исламизации региона происходит ценностный сдвиг в сторону более архаичных представлений о гендерных ролях в обществе. В каждой возрастной группе образованные люди обладают более либеральными взглядами, чем их менее образованные сверстники.

К гендерному аспекту социологической литературы по мусульманским республикам Северного Кавказа следует подходить с двух сторон.

Во-первых, региональная гендерная политика основывается на конституционно закреплённом равноправии полов. Однако оно не всегда подкрепляется реальной практикой [Астахова, Бухараев, 2017; Дзуцев, 2012: 379—431].

Во-вторых, есть основания утверждать, что в последние годы происходит арабизация и исламизация женщин. Наиболее ярко это выражено во внешнем облике и поведении молодых женщин. Если раньше большим воздействием обладала система адатов (свод горских законов), то сейчас возрастает роль шариатского свода законов. В Чечне власть прилагает значительные усилия

по исламизации населения. В Ингушетии преобладают местные адаты, но и шариат неизменно заявляет о своей позиции. Встречаются довольно глубокие противоречия по этому вопросу между мнением мусульманских ученых и духовных лиц Северного Кавказа, с одной стороны, и стереотипами, сложившимися в массовом сознании населения, — с другой [Сиражудинова, 2010].

Социальное положение женщин в республиках Северного Кавказа значительно различается, даже в разных районах одной республики. Можно выделить следующие зоны: города, равнинные районы, близлежащие и дальние горные районы. Если в городах жизнь женщин все более модернизируется, то в дальних горных селах она связана с тяжелым физическим трудом: с уходом за скотом, работами в поле, по дому и в огороде.

Одной из проблем, нарушающих права женщин, является полигамия. Она не урегулирована законом и в большинстве случаев основывается на обмане. Несмотря на то что многие апеллируют к шариату, он в обязательном порядке не действует и не может защитить женщину и ее права. Незарегистрированные брачные связи влекут проблемы с правами детей, собственностью, вызывают долгие и трудноразрешимые наследственные и имущественные тяжбы. Проблема полигамии поднималась первым президентом Ингушетии Р. Аушевым, даже были приняты законы в ее пользу, признанные впоследствии неконституционными. Глава Чечни Р. Кадыров также выступил за введение многоженства в республике. В 2006 г. Р. Кадыров ввел обязательное ношение платка [Сиражудинова, 2012].

Проблема неравенства коренится не только в гендерных отношениях, но и в самосознании женщин. В целях выяснения степени осознания кавказской женщиной своей роли, в августе 2012 г. нашими коллегами из Центра исследования глобальных вопросов современности и региональных проблем «Кавказ. Мир. Развитие» был проведен социологический опрос на тему «Положение женщины в традиционном обществе» [Сиражудинова, 2013: 18—20]. Респондентами выступали только женщины. Была выявлена линейная зависимость между степенью осознания женщиной своей роли в обществе и ее образованностью и социальным статусом. Большинство опрошенных указали, что у них мало прав, что в республике очень много одиноких и материально необеспеченных женщин. Лишь 30,0 % ответили, что положение их достойное и нормальное. Вместе с тем многие женщины осознают себя свободными — 71,6 % и равноправными — 53,0 %. Равенства с мужчинами желала бы только половина опрошенных, другая половина считает, что такого равенства быть не должно. Около 90,0 % отметили нарушения их прав, конкретизируя, что подвергаются насилию, нарушается их свобода слова.

По мнению респондентов, больше всего женщину защищает светский закон — 72,3 %. Многие считают, что шариат также защищает женщину, — 81,0 %, а около 20,0 % — что ограничивает. Большинство респондентов считают, что женщине нежелательно занимать высокие должности и заниматься политикой [там же: 88—104].

Налицо значительная степень варьирования взглядов на роль женщины в современном обществе в зависимости от места проведения исследования, даже в рамках единого мусульманского пространства. Данные исследования необходимы, чтобы составить представление об этом аспекте социальных процессов.

Результаты исследования

Объектом исследования являются граждане республик Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Предметом исследования послужили этнорелигиозные установки жителей этих республик. В опросе приняли участие 1200 респондентов и 30 экспертов.

40,7 % кабардинцев и балкарцев, 35,5 % осетин, 26,1 % русских и русскоязычных, 10,1 % респондентов Дагестана и 10,6 % Карачаево-Черкесии считают, что для мусульманской женщины приемлемо выходить замуж за немусульманина. Совсем немного ингушей и чеченцев придерживаются того же мнения — соответственно 3,7 и 3,0 %.

Другая часть опрошенных: половина респондентов Карачаево-Черкесии, 43,6 % Дагестана, 28,1 % Кабардино-Балкарии, 19,5 % русских и русскоязычных, 90,4 % чеченцев и 78,7 % ингушей — считают, что для мусульманской женщины неприемлемо выходить замуж за немусульманина.

46,4 % русских и русскоязычных респондентов, 37,1 % карачаевцев и черкесов, 33,9 % осетин, 39,7 % респондентов Дагестана, 17,7 % ингушей и лишь 3,0 % чеченцев считают, что в некоторых случаях это может быть приемлемо, а 18,5 % осетин не знают, что ответить на этот вопрос.

Статистические данные, а именно высокие цифры среднего статистического отклонения в случае утвердительных ($18,5 \pm 0,15$) и особенно отрицательных ($46,1 \pm 0,29$) ответов, указывают на большое расхождение мнений по этому вопросу у граждан разных республик.

Мнения экспертов можно разделить почти поровну на две группы: 52,2 % считают, что население приемлет союз мусульманки и немусульманина, 47,8 % — нет. Имеется также значительное расхождение во мнениях в зависимости от республик. Эксперты Дагестана подчеркивают: население осознает, что межконфессиональные браки нежелательны, однако случаются, и люди не делают из этого трагедии. Четверть экспертов считают, что они не приветствуются, но выход для молодой пары все-таки есть: *Немусульманин должен сначала принять ислам, потом жениться на мусульманке**.

Все эксперты Карачаево-Черкесии (11,1 % от общего их числа) говорят о том, что *национальный вопрос в выборе спутника жизни более весомый, чем причастность религиозная. Для представителей радикальных течений это недопустимая форма брака. Для остальных мусульман это приемлемо, но нежелательно.*

Эксперты из Кабардино-Балкарии утверждают, что для их республики это обычное явление: *Считается, что это неприемлемо, но на сегодняшний день я, помимо того что занимаюсь журналистикой, веду свадебные мероприятия и вижу, что в последние годы часты интернациональные свадьбы; буквально вчера я провел свадьбу, где девушка — грузинка, он — кабардинец. Все веселились, радовались, желали счастья. Я понимаю, что в самом начале возникают какие-то вопросы, но в итоге против решения создать семью редко идут. Но осуждают, появляются разговоры, и если они продолжаются после свадьбы, то семьи распадаются. Но это происходит сейчас редко, смешанные браки очень*

* Курсивом выделены высказывания экспертов.

части; *Ислам очень часто связан с национальностью, и мне встречались люди, которые говорят: «Мне все равно, какой национальности, лишь бы она или он были в исламе»; О какой мусульманской женщине идет речь? Приемлемо, с моей точки зрения, если она не является фанатичной мусульманкой. Для истинно верующих, наверное, это сложно, но бывают случаи, когда они выходят замуж за немусульман. Я знаю, что мусульманские женщины в Кабардино-Балкарии выходят замуж и за иудеев, и за буддистов, и за православных.*

Многие эксперты Северной Осетии считают так: *Наша республика исторически проявляет терпимость к различным вероисповеданиям, поэтому смешанные в религиозном плане браки — это норма для Осетии; Скорее всего, население республики относится равнодушно к тому, что мусульманская женщина выходит за немусульманина.*

Все эксперты Чечни и Ингушетии указывают, что для чеченцев и ингушей это категорически неприемлемо, вплоть до смертельных случаев: *Народ не желает межконфессиональных и межэтнических браков. Выход женщины замуж за иноверца — это трагедия, вплоть до убийства. По шариату также женщина не имеет права выходить замуж за иноверца, в противном случае ее ожидает смертная казнь; Бывают случаи, когда выходят замуж не за мусульманина, но впоследствии они принимают ислам. Таких случаев мало, единичные факты, смешанных семей... немного. В СССР у нас был самый низкий уровень создания смешанных семей, и сейчас это так.*

Приведем мнения экспертов Дагестана: *Такие браки никогда не приветствовались, а сейчас особенно. В активно верующей семье такая ситуация вряд ли возможна, так как претенденты на супруга находятся в окружении девушки, ее родственники и односельчане. Если семья городская, религиозно неактивная, проживает вне Дагестана, такое еще возможно. Однако такой шаг воспринимается как неудача, временный каприз. Но такие случаи редки, до 10 % всех заключаемых браков; По исламу это запрещено, но случаи есть, что выходят, я ничего плохого в этом не вижу. Никаких преследований нет. Про смертельные исходы не слышал. Все зависит от населенного пункта, обобщать по Дагестану я не могу. Бывают несопоставимые факты. На плоскости толерантны. Дагестанки, находящиеся за пределами республики, выходят за христиан чаще.*

Высказывания экспертов демонстрируют значительное расхождение во мнениях в зависимости от республик. Представители Дагестана, Кабардино-Балкарии неоднократно указывали, что молодые люди осознают нежелательность для их родни межконфессиональных браков, однако они заключаются довольно часто. Эксперты Ингушетии и Чечни единогласно заявляли, что такие браки у них в республиках практически невозможны. Молодые люди, решившие бросить вызов обществу, преследуются родней. Нередки случаи смертельного исхода этих «дерзких поступков».

Северокавказское общество в целом немного лояльнее воспринимает союзы мусульманина и немусульманки. Противников таких союзов среди респондентов Чечни (70,7 %) и Ингушетии (60,4 %) меньше на 20,0 %, чем сторонников.

Меньше сторонников таких браков также было и среди опрошенных в других республиках: 40,2 % карачаевцев и черкесов, 21,2 % опрошенных в Дагестане, 23,0 % в Кабардино-Балкарии, 13,8 % русских и русскоязычных, 11,3 % осетин.

30,3 % русских и русскоязычных, 35,5 % осетин, 24,0 % респондентов Дагестана, 44,4 % кабардинцев и балкарцев, 15,9 % карачаевцев и черкесов, 13,4 % ингушей и 14,6 % чеченцев считают, что для мусульманского мужчины приемлемо жениться на немусульманке.

48,6 % опрошенных дагестанцев, 49,0 % русских и русскоязычных считают, что в некоторых случаях это возможно. Так же считают 43,2 % кабардинцев и балкарцев, 30,4 % карачаевцев и черкесов, 35,5 % осетин, 26,2 % опрошенных в Ингушетии и лишь 10,1 % в Чечне.

Высокие показатели среднего статистического отклонения положительных ($25,4 \pm 0,11$) и отрицательных ($34,4 \pm 0,23$) ответов говорят о значительном расхождении мнений респондентов разных республик СКФО. Большинство чеченцев и ингушей считают, что для мусульманского мужчины неприемлемо жениться на женщине другого вероисповедания. Но в среднем граждан Чечни и Ингушетии, разделяющих данную точку зрения, было на 20,0 % меньше, чем тех, кто высказывался против браков мусульманки и немусульманина.

Эксперты Чеченской Республики по данной проблеме высказывают следующую точку зрения: *Ситуация приемлема, но в целом народ не одобряет такие браки. В шариате же даже приветствуется такой брак, потому что последующее обращение иноверки в ислам увеличивает умму.*

подавляющее большинство экспертов Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Дагестана считают, что такие браки населением в основном одобряются, но обязательным условием является принятие женой ислама.

Эксперты Северной Осетии отмечают, что в их многоконфессиональной республике такие браки приемлемы.

Эксперты Северной Осетии и Кабардино-Балкарии считают, что определяющим фактором при создании семьи является национальная принадлежность, а не вероисповедание. Эксперты Чечни и Ингушетии подчеркивают, что молодые люди более свободны в своем выборе, чем девушки. Эксперты Дагестана, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии отмечают, что межконфессиональные браки заключаются молодыми людьми все чаще, несмотря на неодобрение родни.

Абсолютное большинство экспертов прогнозировали позитивное восприятие населением их республик подобных браков. Они были почти единогласны (91,3 %), считая, что заключение брака между мусульманином и немусульманкой северокавказским обществом одобряется, так как допускается сводом мусульманских законов.

Более половины опрошенных в мусульманских республиках СКФО считают, что женщина-мусульманка *должна быть одета особым образом.*

Такого мнения придерживаются 59,1 % ингушей, 50,8 % жителей Дагестана, 45,5 % карачаевцев и черкесов, треть кабардинцев и балкарцев. Так же считают 28,2 % русских и русскоязычных и 21,1 % осетин.

55,6 % кабардинцев и балкарцев и 52,8 % осетин, 47,7 % русских и русскоязычных, 47,7 % карачаевцев и черкесов, 26,8 % ингушей и 16,7 % чеченцев заявляют, что определенные отличия во внешнем облике мусульманки необязательны.

Многие респонденты вообще не знают, что ответить на этот вопрос, или отказываются от ответа. Так, 27,9 % опрошенных в Дагестане, 17,6 % русских

и русскоязычных, 15,6 % осетин, 9,6 % кабардинцев и балкарцев и 11,6 % ингушей не имеют мнения по этому вопросу.

Показатели среднего статистического отклонения в случае утвердительных ($44,9 \pm 0,19$) и отрицательных ($38,2 \pm 0,16$) ответов остаются высокими.

Все эксперты Чечни и Ингушетии говорят о требовании обществом соответствующей одежды от женщины: *Большая часть населения... считает, что она должна быть одета в соответствии с адатом.*

Эксперты Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии указывают на то, что население их республик более желало бы, чтобы женщины одевались в национальном стиле: *...как наши бабушки и прабабушки, так как национальный костюм сам по себе очень красив и подчеркивает индивидуальность кавказской женщины, ее природную красоту и скромность; Старшее поколение считает, что достаточно носить головной убор. Молодежь намеренно демонстрирует свою принадлежность к религии. То есть это не выбор, а какая-то демонстрация принадлежности к особой группе.*

Дагестанские эксперты высказываются по этой проблеме следующим образом: *Дагестанки охотно «закрываются», с удовольствием носят мусульманскую одежду, находя ее более привлекательной, чем общеевропейскую. Женщины в Дагестане находят положение мусульманки более выгодным, чем немусульманки.*

Эксперты из Северной Осетии видят это явление с другой точки зрения: *Конечно же, встречаются и такие мусульманки, которые не особо придерживаются определенного стиля в одежде, но все же традиционно воспитанная женщина должна соблюдать определенные каноны, это касается и внешнего вида.*

Около половины опрошенных считают, что нет различий между мужчинами и женщинами в осуществлении руководства и управления людьми. Этот вариант ответа предпочли 50,6 % респондентов Ингушетии, 52,3 % Карачаево-Черкесии, 48,5 % русских и русскоязычных, 45,2 % кабардинцев и балкарцев, 41,9 % осетин, а также 36,7 % респондентов Чечни и 30,7 % Дагестана.

45,1 % ингушей, 40,8 % чеченцев, 29,6 % кабардинцев и балкарцев, по 27,9 % осетин, русских и русскоязычных, 26,8 % дагестанцев не готовы видеть женщину в кресле руководителя.

Довольно многие респонденты не имеют мнения по этому поводу: 39,7 % опрошенных в Дагестане, 22,2 % в Кабардино-Балкарии, 19,8 % русских и русскоязычных, 19,4 % осетин, 11,7 % чеченцев и лишь 4,3 % ингушей.

Статистические данные демонстрируют единодушие граждан в оценке возможности женщин руководить коллективом мужчин. Среднее статистическое отклонение по данным этой части опроса было минимальным: в случае утвердительных ответов — $43,7 \pm 0,078$, в случае отрицательных — $33,9 \pm 0,085$.

Эксперты, если и затрагивают этот вопрос, освещают его в таком ключе: *Мусульманская женщина может руководить как мужчинами, так и женщинами, но это очень болезненно отражается на обществе.*

Абсолютное большинство опрошенных высказываются в пользу выбора женщиной мужа: 92,1 % ингушей, 86,4 % чеченцев, 77,3 % карачаевцев и черкесов, 72,1 % русских и русскоязычных, 71,1 % кабардинцев и балкарцев, 71,0 % осетин. 25,7 % респондентов Дагестана, 16,7 % карачаевцев и черкесов,

13,3 % кабардинцев и балкарцев, 10,7 % русских и русскоязычных считают, что женщина не вправе выбирать себе партнера. В среднем каждый десятый опрошенный в СКФО не знает ответа на этот вопрос: 20,1 % респондентов Дагестана, 15,6 % русских и русскоязычных, 13,4 % кабардинцев и балкарцев, 11,3 % осетин, 6,0 % карачаевцев и черкесов, 5,6 % чеченцев и 1,8 % ингушей.

Статистические данные демонстрируют единодушие граждан в случае несогласия относительно свободного выбора кавказской женщиной спутника жизни ($12,2 \pm 0,073$). Разброс мнений в случае положительных оценок остается достаточно большим ($74,8 \pm 0,12$).

В высказываниях экспертов красной нитью проходит мысль о правильности и справедливости свободного подхода к выбору женщиной спутника жизни.

По 38,5 % русских и русскоязычных опрошенных в Кабардино-Балкарии, 44,7 % карачаевцев и черкесов, 21,1 % осетин и 16,8 % респондентов Дагестана считают, что женщины их республик могут пожимать руку мужчине, который не является их родственником.

В Чечне и Ингушетии респондентов, имеющих это же мнение, было немного — 7,1 и 8,5 %. 38,5 % респондентов Кабардино-Балкарии и 36,3 % русских и русскоязычных считают, что женщине неприлично пожимать руку мужчине, который не является ее родственником. Этому же мнению придерживаются абсолютное большинство опрошенных в Ингушетии и Чечне — 89,6 и 89,4 %, половина в Карачаево-Черкесии и Дагестане — 47,0 и 51,4 %, 43,9 % в Северной Осетии.

Неприятие пожатия женщинами руки представителям сильного пола прослеживается преимущественно в ответах граждан Чечни и Ингушетии. Мнения русских и русскоязычных респондентов, кабардинцев и балкарцев, карачаевцев и черкесов разделились в равных долях между согласием и несогласием. У многих не было мнения по этому вопросу, а также у 30,7 % респондентов Дагестана, 19,5 % Северной Осетии, 18,3 % русских и русскоязычных, 17,8 % кабардинцев и балкарцев.

Среди респондентов Ингушетии и Чечни противников пожатия женщиной руки мужчине было абсолютное большинство и в 2 раза больше, чем в среднем среди респондентов других республик, на что указывают показатели среднего статистического отклонения в случае положительных ($25,0 \pm 0,15$) и отрицательных ($56,6 \pm 0,23$) ответов.

Те эксперты, которые пожелали остановиться на этом вопросе (45,0 %), ссылались на свод мусульманских правил обихода, где указано, что пожимать руку мужчине мусульманке не положено.

Подавляющее большинство респондентов республик СКФО (около 65 %) считают, что женщина должна иметь возможность инициировать развод. Положительный ответ на этот вопрос дали 69,7 % чеченцев, 69,3 % русских и русскоязычных респондентов, 61,5 % кабардинцев и балкарцев, 66,9 % осетин, 71,2 % карачаевцев и черкесов, 81,7 % ингушей и 34,6 % респондентов Дагестана.

Против этого высказались совсем немногие: треть респондентов Дагестана, четверть карачаевцев и черкесов, 22,2 % кабардинцев и балкарцев, 12,6 % русских и русскоязычных, 15,2 % ингушей, 15,3 % осетин и 16,2 % чеченцев.

Многие респонденты Дагестана не знают, что ответить по этому поводу, — 30,7 %. Также не имеют мнения по этому вопросу 16,9 % русских и русскоязычных, 12,6 % кабардинцев и балкарцев, 12,1 % осетин, 7,1 % чеченцев и только 3,8 % карачаевцев и черкесов и 3,0 % ингушей.

Существенных различий в точках зрения респондентов по поводу возможности женщин инициировать развод в семьях кавказцев не обнаружено. Среднее статистическое отклонение в случае положительных ответов — $65,0 \pm 0,15$. В части отрицательных ответов расхождение было минимальным — $19,9 \pm 0,072$. Это указывает на приятие кавказцами возможности современной женщины самой решать свою судьбу.

Эксперты неоднократно подчеркивали, что в современном северокавказском обществе есть «сословные», имущественные барьеры в карьерном росте, в достижении человеком определенных целей, но гендерных не существует. Они также говорили об отсутствии преград в выборе женщиной спутника жизни. Выбор ограничен преимущественно финансовыми и личностными причинами, системой представлений молодых людей о наилучшем партнере.

Подводя итоги, можно сказать, что в мусульманских республиках эксперты давали точные оценки настроению респондентов, особенно по поводу **браков мусульманки и немусульманина**. Абсолютное большинство респондентов Чечни и Ингушетии считают, что это неприемлемо, поскольку противоречит религиозным правилам. Треть опрошенных в других республиках придерживаются того же мнения.

В Чечне и Ингушетии эксперты подчеркивали, что молодые люди более свободны в своем выборе, чем девушки. В Дагестане, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии они отмечали, что межконфессиональные браки заключаются молодыми людьми все чаще, несмотря на неодобрение родни.

Лояльность кавказцев в отношении **брака мусульманина и немусульманки** экспертами переоценена. Практически все они считают, что общество позитивно относится к подобным шагам. Хотя по этому поводу общество высказывалось относительно лояльно, число противников таких союзов было высоким — до 70 %. Подавляющее большинство респондентов Чечни и Ингушетии посчитали, что это является крайне нежелательным. Правда, противников этого среди чеченцев и ингушей оказалось на 20,0 % меньше, чем сторонников. Противников союза мусульманина и немусульманки в других республиках СКФО было в среднем на 11 % меньше.

Половина опрошенных считают, что **одевание женщины-мусульманки** должно отличаться от такового у женщин другой веры. При этом сторонники данной точки зрения превалировали среди респондентов Дагестана, Ингушетии и Чечни. Другая половина респондентов считают, что различий в одежде мусульманки и других женщин быть не должно.

Около половины задействованных в опросе указывают, что нет различий между мужчинами и женщинами в осуществлении **руководства и управления людьми**. Каждый десятый опрошенный не знал ответа на этот вопрос.

В высказываниях экспертов присутствует мысль о правильности и справедливости **свободного подхода к выбору женщиной спутника жизни**, что на-

ходит подтверждение в подавляющем большинстве положительных ответов респондентов.

Неприятие **пожатия женщинами руки представителям сильного пола** прослеживалось преимущественно в ответах граждан Чечни и Ингушетии. Мнения русских и русскоязычных респондентов, кабардинцев и балкарцев, карачаевцев и черкесов разделились в равных долях между согласием и несогласием.

Подавляющее большинство респондентов считают, что **женщина должна иметь возможность инициировать развод**. Существенных различий в точках зрения респондентов по этому поводу не обнаружено. Это свидетельствует о готовности северокавказского общества предоставить современной женщине самой решать свою судьбу.

Эксперты Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии чаще других говорили о том, что препятствий в определении женщиной своей судьбы, выстраивании карьеры, манере одеваться в их республиках не существует. Лишь незначительное число указывало на то, что от женщины современное северокавказское общество требует подчинения и ориентации на семейные ценности.

Выводы

Данные статистического анализа, приведенные в настоящей статье, а именно высокие цифры среднего статистического отклонения в случае как утвердительных, так и отрицательных ответов, указывают на расхождение мнений по большинству вопросов у граждан разных республик СКФО.

В обществе есть понимание того, что конституционно закрепленное в Российской Федерации равноправие полов на Северном Кавказе наполнено иным содержанием. Заметные противоречия по этому вопросу прослеживаются в высказываниях респондентов и экспертов Чечни, Ингушетии, с одной стороны, и Северной Осетии — Алании, в ряде случаев Кабардино-Балкарии и русских и русскоязычных респондентов — с другой. Для удобства эти две группы можно назвать «мусульманская» и «немусульманская». Высказывания респондентов и экспертов Республики Дагестан, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария было бы некорректно привязывать ни к одной из этих групп, поскольку крайне категорических мнений в их ответах не прослеживалось.

Высказывания участников массового и экспертного опросов «мусульманской» группы показали, что шариат на Северном Кавказе неуклонно заявляет о своей позиции. Происходит интенсивная исламизация и женщин, и мужчин. Наиболее ярко это выражено в образе жизни, поведении и внешнем облике молодого поколения.

Значительная разница в ответах представителей обеих групп прослеживается по вопросам межконфессионального брака, приветственного рукопожатия между мужчиной и женщиной, которые не являются родственниками, ношения одежды, позволяющей идентифицировать женщину как мусульманку.

Если эксперты и респонденты Северной Осетии — Алании, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии толерантно высказывались по этим вопросам, то в ответах экспертов Чечни и Ингушетии ключевыми словами были «население категорически несогласно». Большинство чеченцев и ингушей считают, что для мусульманского мужчины неприемлемо жениться на женщине другого вероисповедания. В среднем граждан Чечни и Ингушетии, разделяющих данную точку зрения,

было на 20 % больше, чем тех, кто высказывался за брак мусульманки и немусульманина. Как выражение крайней позиции при обсуждении межконфессиональных браков у экспертов Чечни и Ингушетии проскальзывали слова «...вплоть до смертельных случаев».

Подавляющее большинство экспертов Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Дагестана считают, что против таких браков население в основном не возражает, но обязательным условием является принятие женой ислама. Обобщенное мнение по данной проблеме можно выразить следующими словами: ситуация все-таки приемлема, в шариате даже приветствуется такой брак, потому что последующее обращение иноверки в ислам увеличивает умму.

По вопросам возможности женщины занимать руководящие должности, выбирать мужа и инициировать развод не замечено значительных противоречий, хотя разброс мнений в случае положительных оценок остается достаточно большим. В случае отрицательных ответов на эти вопросы, наоборот, замечено большее единодушие. Абсолютное большинство опрошенных, независимо от места проведения опроса, высказывались в пользу возможности женщины самой выбирать спутника жизни и инициировать развод. Это указывает на приятие кавказцами возможности современной женщины самой решать свою судьбу.

При анализе ответов на вопросы, связанные с работой и построением женской карьеры, занятием руководящих позиций, обнаружено больше одобрительных оценок и толерантности. До половины опрошенных, притом независимо от места проведения опроса, считают, что нет различий между мужчинами и женщинами в осуществлении руководства и управления людьми.

Мнения экспертов и в большей мере респондентов по обозначенным в настоящей статье вопросам показывают значительную разницу в менталитете жителей различных республик СКФО.

Библиографический список

- Астахова Л. С., Бухараев Я. В.* Конверсионные интенции и современный ислам: попытки классификации «путей в духовную практику»: (на основе мониторинга по Республике Татарстан) // *Ислам в современной России*. 2017. Вып. 13, № 2. С. 125—136.
- Дзуцев Х. В.* Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа. М.: РОССПЭН, 2012. 734 с.
- Костенко В. В.* Гендерные аттитюды на арабском Востоке // *Социология ислама. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса, 23—25 октября 2012 г.* М.: РОС, 2012. С. 4954—4991.
- Озбудун Е., Кейман Е. Ф.* Культурная глобализация Турции // *Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона*. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 314—341.
- Сиражудинова С. В.* Гендерное равноправие как условие развития гражданского общества на Северном Кавказе // *Социология власти*. 2010. № 4. С. 170—177.
- Сиражудинова С. В.* Гражданское общество: традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д: АзовПечать, 2012. 200 с.

- Сиражудинова С. В. Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // Положение женщины в традиционном обществе: социологическое исследование. 2013. URL: http://www.perspektivy.info/rus/nashe/gendernaja_politika_v_respublikah_severnogo_kavkaza_sovremennyye_tendencii_2013-12-05.htm (дата обращения: 14.02.2018).
- Aini N. Inter-religious marriage from socio-historical Islamic perspectives // *BYU Law Review*. 2008. Vol. 3, rev. 669, art. 19. P. 669—705.
- Apel H. *Europa ohne Seele*. Brunnen Verlag, 2007. 256 S.
- Chee Heng Leng, Gavin W. J., Maznah M. Muslim-non-Muslim marriage, rights and the state in Southeast Asia // *Political and Cultural Contestations in Southeast Asia*. Singapur, 2009. P. 1—29.
- Gerhards J. Europäische Werte — Passt die Türkei kulturell zur EU? // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2004. Bd. 9. S. 14—24.
- Janssen A., Ayca P. Soziale Netzwerke türkischen Migrantinnen und Migranten // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2006. Bd. 1—2. S. 11—14.
- Sintang S., Mohd K., Hambali K., Baharuddin A., Ahmad M. Interfaith marriage and religious conversion: a case study of Muslim converts in Sabah, Malaysia // *International Conference on Behavioral, Cognitive and Psychological Sciences (BCPS 2011)*. 2011. Vol. 23. P. 1—14.

References

- Aini, N. (2008) Inter-religious marriage from socio-historical Islamic perspectives, *BYU Law Review*, vol. 3, rev. 669, art. 19, pp. 669—705.
- Apel, H. (2007) *Europa ohne Seele*, Brunnen Verlag.
- Astakhova, L. S., Bukharaev, Ia. V. (2017) Konversionnyye intentsii i sovremennyy islam: popytki klassifikatsii “putei v dukhovnuiu praktiku”: (Na osnove monitoringa po Respublike Tatarstan) [Conversion intentions and modern Islam: attempts to classify “paths to spiritual practice”: (Based on monitoring in the Republic of Tatarstan)], *Islam v sovremennoĭ Rossii*, vol. 13, no. 2, pp. 125—136.
- Chee Heng Leng, Gavin, W. J., Maznah, M. (2009) Muslim-non-Muslim marriage, rights and the state in Southeast Asia, in: *Political and Cultural Contestations in Southeast Asia*, Singapur, pp. 1—29.
- Dzutsev, Kh. V. (2012) *Ėtnosotsiologicheskii portret respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga* [Ethnosociological portrait of the republics of the North Caucasus Federal District], Moscow: ROSSPEN.
- Gerhards, J. (2004) Europäische Werte — Passt die Türkei kulturell zur EU?, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, Bd. 9, SS. 14—24.
- Janssen, A., Ayca, P. (2006) Soziale Netzwerke türkischen Migrantinnen und Migranten, *Aus Politik und Zeitgeschichte*, Bd. 1—2, SS. 11—14.
- Kostenko, V. V. (2012) Gendernyye attitudy na arabskom Vostoke [Gender attitudes in the Arab East], in: *Sotsiologiya islama. Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiie*: Materialy IV ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa, Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov, pp. 4954—4991.
- Ozbudun, E., Keiman, E. F. (2004) Kul'turnaia globalizatsiia Turtsii [Turkey's cultural globalization], in: *Mnogolikaia globalizatsiia. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire*, Moscow: Aspekt-Press, pp. 314—341.
- Sintang, S., Mohd, K., Hambali, K., Baharuddin, A., Ahmad, M. (2011) Interfaith marriage and religious conversion: a case study of Muslim converts in Sabah, Malaysia, in:

- International Conference on Behavioral, Cognitive and Psychological Sciences (BCPS 2011)*, vol. 23, pp. 1—14.
- Sirazhudinova, S. V. (2010) Gendernoe ravnopravie kak uslovie razvitiia grazhdanskogo obshchestva na Severnom Kavkaze [Gender equality as a condition for the development of civil society in the North Caucasus], *Sotsiologiya vlasti*, no. 4, pp. 170—177.
- Sirazhudinova, S. V. (2012) *Grazhdanskoe obshchestvo: traditsionalizm i islam na Severnom Kavkaze* [Civil society: traditionalism and Islam in the North Caucasus], Rostov-na-Donu: AzovPechat'.
- Sirazhudinova, S. V. (2013) Gendernaia politika v respublikakh Severnogo Kavkaza: sovremennye tendentsii [Gender policy in the republics of the North Caucasus: current trends], in: *Polozhenie zhenshchiny v traditsionnom obshchestve: Sotsiologicheskoe issledovanie*, available from: http://www.perspektivy.info/rus/nashe/gendernaja_politika_v_respublikah_severnogo_kavkaza_sovremennye_tendencii_2013-12-05.htm (accessed 14.02.2018).

Статья поступила 06.06.2019 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Дзуцев Хасан Владимирович — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра исследований приграничных регионов Юга России, Институт социально-политических исследований РАН, г. Владикавказ; заведующий кафедрой социологии, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия, khasan_dzutsev@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Centre of the Russian Southern Regions Studies, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Sociology, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation).

Дибирова Аминат Паруковна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр исследований приграничных регионов Юга России, Институт социально-политических исследований РАН, г. Владикавказ, Россия, dibirova59@mail.ru (Cand. Sc. (Biology), Senior Researcher, Centre of the Russian Southern Regions Studies, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation).